

В. Львовъ

„Совѣтская власть въ
борьбѣ за русскую
государственность.“

10
ВЛАДИМІРЪ ЛЬВОВЪ
бывшій Чл. Временнаго Правительства.

11.250.
Львів. Бібліотека
АН. УРСР

„СОВѢТСКАЯ ВЛАСТЬ въ борьбѣ за русскую государственность“.

(Докладъ, читанный въ „Salles des Sociétés
savantes“ въ Парижѣ 12 Ноября 1921 г.)

~~БІБЛІОТЕКА
Українського Народного
Робітничого Дому
у Львові.~~

Изданіе автора
Берлинъ 1922 г.

В. ун. 2/29/1954

Делового

T3(2)711

Деліська державна
наукова бібліотека

№ 6684

Печатано въ Берлинѣ у Н. S. Hermann & Co.

Совѣтская власть въ борьбѣ за русскую государственность.

I.

Всякая революція имѣетъ двѣ стороны: идеологическую и практическую. Чѣмъ ближе стороны эти совпадаютъ, тѣмъ скорѣе завершается революція и тѣмъ менѣе она катастрофична. Наоборотъ, чѣмъ грандіознѣе и универсальнѣе идея, тѣмъ отдаленнѣе она отъ практическихъ результатовъ и катастрофичнѣе характеръ революціи. Идея стремится воплотиться въ конкретныя формы, ломая всѣ препятствія на своемъ пути, но тщетно. Для реализаціи ея въ странѣ нѣтъ никакихъ къ тому точекъ воспріятія. Тогда, повиснувъ въ воздухѣ, грандіозная идея будетъ долго служить маякомъ для человѣчества, къ которому человѣчество будетъ медленно приближаться, но непосредственныхъ результатовъ для самой той страны, въ которой идея была провозглашена, она не дастъ. Революція, оторвавшись отъ идеи, войдетъ въ русло исторической необходимости, подчиняясь цѣпи естественныхъ законовъ, управляющихъ природой страны, въ которой революція произошла. Таковъ ходъ всѣхъ революцій, большихъ и малыхъ. Американская революція, имѣвшая цѣлью только политическое самоопредѣленіе, завершилась легко и свободно. Таковъ-же былъ характеръ итальянской революціи, стремившейся къ національному объединенію. Катастрофиченъ былъ характеръ англійской и французской революцій, потому что принципы, провозглашенные ими, были универсальны и потребовали для своего осуществленія болѣе ста лѣтъ. Непосредственные-же результаты этихъ революцій были малы сравнительно съ грандіозностью задачъ, поставленныхъ себѣ этими послѣдними.

По характеру своему русская революція походитъ на французскую и даже больше ея. Та-же грандіозность замысловъ, та-же универсальность идей и та-же полная оторванность ихъ отъ непосредственной задачи жизни. Полное переустройство политическаго и соціальнаго строя всего міра на основахъ справедливости и равенства, можетъ-ли быть что-либо грандіознѣе таковой задачи и при томъ провозглашенной въ странѣ, наименѣе приспособленной къ воспріятію этой задачи, какъ Россія? Немудрено, что идея, повлекши за собой ката-

строфу, натолкнулась на каменную стѣну реальныхъ условий русской жизни. Значить-ли это, что идея прозвучала бесплодно? — Нѣтъ. Какъ великіе принципы французской революціи, она будетъ звучать въ ушахъ человѣчества, разъ провозглашенная, призывая народы къ осуществленію соціальной справедливости, доколѣ не проложитъ себѣ путь къ воплощенію своему въ государственномъ строительствѣ. Но непосредственно въ условіяхъ русской жизни ей не суждено еще долго видѣть себя облеченной въ плоть и кровь гражданскихъ взаимоотношеній, каково-бы ни было внѣшнее законодательство. Противъ народной некультурности, архаичности земельныхъ порядковъ, промышленной отсталости, никакая идея не превозможетъ, если только не желаютъ поравнять всѣхъ въ полной нищетѣ. А потому русская революція раздвоилась: идея осталась идеей, а русская дѣйствительность — русской дѣйствительностью. Пусть великая идея останется въ заоблачной выси и будетъ свѣтить маякомъ будущимъ поколѣніямъ, но для задачъ насущнаго политическаго момента въ Россіи, ея практическое примѣненіе необходимо сузить до предѣловъ возможнаго достиженія конкретныхъ результатовъ, иначе гоняясь за идеей, пока неосуществимой, мы оставимъ русскій народъ въ состояніи неразрѣшеннаго хаоса его политическихъ и соціальныхъ нестроений.

Такова проблема власти въ настоящій моментъ въ Россіи: извлечение максимума реальныхъ выгодъ для русскаго народа и мірового прогресса изъ русской революціи при минимумѣ догматическаго упорства въ отстаиваніи буквы идейной основы. Спуститься съ облаковъ и стать на реальную почву, пристально вглядываясь въ дѣйствительность, чего она требуетъ. При сужденіи о томъ, что нужно Россіи, должны быть отброшены всѣ партійныя перегородки. Старыхъ партій болѣе не существуетъ для Россіи. Онѣ составляютъ историческій пережитокъ прошлаго. Для настоящей русской дѣйствительности онѣ представляютъ не болѣе, чѣмъ старый хламъ, который поскорѣе долженъ быть сваленъ въ амбаръ, чтобы не служить лишнимъ балластомъ и пылью въ комнатѣ, требующей быть приведенной въ порядокъ.

Соціалисты-революціонеры, которыхъ главной задачей было отдать землю народу, благодаря чему народъ только и шелъ за ними, свое дѣло сдѣлали и больше дѣлать имъ нечего. Въ устроеніи земельныхъ порядковъ въ Россіи жизнь не пойдетъ по ихъ теоріи и само крестьянство откажется за ними слѣдовать. Ни соціализація, ни община для культурнаго землепользованія непримѣнимы въ современныхъ условіяхъ русской экономической жизни. Крестьяне получили землю, а далѣе они будутъ разрабатывать ее такъ, какъ подскажутъ имъ

требования культурной обработки, а не теория социалистов-революционеров.

Равнымъ образомъ, партія конституціонно-демократическая, что она означаетъ для русскаго народа? — Ровно ничего. Звукъ пустой. Что она можетъ обѣщать русскому народу? — Ровно ничего. Надъ русскимъ народомъ пронесся вихрь, который смелъ весь старый порядокъ и всѣ партіи, имѣвшія мѣсто при старомъ порядкѣ, должны исчезнуть, уступая дорогу новымъ политическимъ соединеніямъ. Всѣ ихъ лозунги изжиты; черезъ всѣ ихъ требованія народъ перешагнулъ и вступилъ въ новый фазисъ своего бытія. Передъ русскимъ политическимъ дѣятелемъ существуетъ теперь только одно: реальная дѣйствительность и удовлетвореніе насущныхъ потребностей русскаго народа.

При сужденіи объ этихъ потребностяхъ всѣ предвзятые точки зрѣнія должны быть выкинуты. Требуется только одно — трезвый взглядъ на вещи. Мы не считаемъ нужнымъ упоминать обо всякихъ монархическихъ организаціяхъ, которыя не требуютъ ничего, кромѣ одного: возврата къ прошлому. Это ничему не наученные русскіе Бурбоны, *les émigrés de Coblenz*. Ихъ русскій народъ просто встрѣтитъ дубинами.

Съ этой реальной точки зрѣнія русская революція въ ближайшую очередь сведется къ слѣдующимъ жизненнымъ требованіямъ: обезпеченіе за крестьянствомъ владѣнія землей въ видѣ цѣльныхъ единоличныхъ участковъ, (задача грандіозная принимая во вниманіе повсемѣстную дробность крестьянскаго земельного владѣнія). Во-вторыхъ, — быстрое возсозданіе промышленности и капитализація ее при соблюденіи максимума правъ рабочаго класса. Далѣе, устройство мѣстнаго и городского хозяйства. Децентрализація власти на основѣ обширныхъ самоуправляющихся областей. Наконецъ, осуществленіе свободы въ гражданскихъ взаимоотношеніяхъ. Кто можетъ ввести этотъ новый правопорядокъ въ Россіи и обезпечить ему прочность? Какая власть?

Только одна; одна совѣтская власть способна осуществить эти жизненные требованія русскаго народа, такъ какъ волею историческаго хода событій она одна является носительницей русской государственной идеи, прошедши школу революціи и защитивъ революціонныя пріобрѣтенія русскаго народа. Всѣ остальные власти, претендовавшія на всероссійское значеніе, раздавлены колесомъ революціи и не осталось отъ нихъ и обломковъ. Поздно создавать какую-то новую власть. Или совѣтская власть создастъ новый порядокъ въ Россіи или его не создастъ никто.

Такова дилемма и средняго разрѣшенія задачи строительства новой Россіи нѣтъ для русскаго народа. Такова воля русской революціи! Развѣ можно сочинять искусственныя схемы для построенія власти? Власть исходитъ изъ жизни.

Родившись въ судорогахъ революціи, совѣтская власть имѣетъ за собой 4-лѣтній періодъ управленія. И какой періодъ! Грознаго волненія океана. Не тотъ кормчій, который ведетъ корабль по спокойному морю, но тотъ, кто навстрѣчу грозѣ и бурѣ правитъ кораблемъ и корабль плыветъ. Днемъ гибели Россіи будетъ крушеніе совѣтской власти, такъ какъ никакая власть не въ состояніи замѣнить ее. Россія будетъ ввержена въ анархію.

Развѣ мало значить для власти ореолъ революціи? А совѣтская власть единственная власть, вышедшая изъ нѣдръ русской революціи. Стихійнымъ движеніемъ всего русскаго народа создалась совѣтская власть въ первый же мѣсяцъ еще мартовской революціи и русскій народъ призналъ ее своей. Развѣ Временное Правительство имѣло какой-нибудь авторитетъ въ народѣ? — Ровно никакого. «Во Временномъ Правительствѣ засѣдаютъ господа, а въ Совѣтахъ наши», говорилъ народъ. Въ сущности говоря, Всероссійскій Совѣтъ въ эпоху Временнаго Правительства имѣлъ авторитетъ государственной власти и пользовался ею, удѣляя по своей доброй волѣ часть ея Временному Правительству. Таково было не юридическое, а фактическое взаимоотношеніе между Совѣтомъ и Врем. Правительствомъ. И весь русскій народъ всегда былъ на сторонѣ Совѣта, а не Временнаго Правительства. Такимъ образомъ, <совѣтская власть есть національная революціонная власть, созданная самимъ русскимъ народомъ.>

Эта революціонная власть въ періодъ существованія Временнаго Правительства, желая избѣжать столкновенія своего съ Врем. Правительствомъ, протянула ему руку соглашенія, дабы раздѣлить съ нимъ отвѣтственность власти и довести страну до Учредительнаго Собранія. Временное Правительство приняло руку соглашенія и результатомъ его было вхожденіе представителей Совѣта въ составъ Врем. Правительства.

Но всѣ элементы, поддерживавшіе дотолѣ Временное Правительство, отшатнулись отъ него, т. к. не желали никакого соглашенія съ Совѣтомъ, а стремились раздавить его. Временное Правительство, такимъ образомъ, приняло руку соглашенія съ Совѣтомъ, ни отъ чьего имени, а только отъ своего. За спиной Временнаго Правительства никого не было; за спиной Совѣта былъ весь русскій народъ и этому народу, въ лицѣ Совѣта, всѣ элементы, отвернувшіеся отъ Временнаго Правительства, готовились дать бой. Своимъ орудіемъ они

избрали военную диктатуру. На нее перенесли все свои политическія симпатіи и возложили все свои надежды. А такъ какъ Временное Правительство, въ составъ коего входили представители Совѣта, ихъ уже болѣе не удовлетворяло, то они и рѣшили низвергнуть разомъ и Совѣтъ и Временное Правительство. Въ этомъ заключался заговоръ генерала Корнилова, поддержанный всеми анти-совѣтскими элементами. Корниловское возстаніе не удалось, но оно сдѣлало свое дѣло; оно провалило Временное Правительство, провалило соглашеніе Совѣта съ Временнымъ Правительствомъ.

Отнынѣ передъ русскимъ народомъ встала единая власть — власть совѣтская и немудрено, что въ этой власти взяли верхъ большевики, такъ какъ они одни проповѣдывали съ самаго начала революціи о полнотѣ совѣтской власти. Большевицскій переворотъ былъ выявленіемъ того, что существовало въ дѣйствительности: полное паденіе власти Временнаго Правительства и единый авторитетъ совѣтской власти въ глазахъ русскаго народа. Оттого и совершился этотъ переворотъ такъ легко.

Явилось Учредительное Собраніе. На немъ лежалъ отпечатокъ права и формальнаго народнаго избранія. На совѣтской власти лежалъ отпечатокъ революціи и защиты ее отъ реакціи. Кто кому долженъ былъ уступить мѣсто, революція праву или право революціи? Этотъ вопросъ рѣшился не въ плоскости права, а въ плоскости революціи. Дѣло въ томъ, что въ Учредительномъ Собраніи большинство принадлежало къ социалистамъ-революціонерамъ, а социалисты-революционеры были скомпрометированы своимъ соглашеніемъ съ реакціей. Дѣло въ томъ, что на сторонѣ Учредительнаго Собранія не было никакой реальной силы. Вся реальная сила распадалась на двѣ части: на ту, которая поддерживала Совѣтъ, и на ту, которая поддерживала военную диктатуру; на ту, которая поддерживала Революцію, и на ту, которая поддерживала реакцію. Думая о защитѣ Революціи, нельзя было ослаблять совѣтскую власть. Думая перейти на сторону реакціи, нельзя было защищать Учредительнаго Собранія. Россія раздѣлилась на два военныхъ лагеря, между которыми не могло быть примиренія: Революція и реакція. Учредительное Собраніе не представляло изъ себя ни того, ни другого. Оно желало ихъ примирить. На немъ лежалъ отпечатокъ Временнаго Правительства и, какъ Временное Правительство, оно рухнуло, не будучи поддержано никѣмъ.

Началась первая гражданская война, изъ которой совѣтская власть вышла побѣдительницей. Рабочіе взяли въ свои руки фабрики, крестьяне землю. Этимъ шагомъ совѣтской власти народъ остался доволенъ.

Затѣмъ послѣдовали коммунистическіе опыты, которые, въ сущности говоря, если-бы удались, спасли бы не только коммунистическую теорію, но и русскую культуру отъ разграбленія ея дикостью народной. Но народъ отнесся къ нимъ съ полнымъ недоумѣніемъ, не понимая, что вокругъ него происходитъ. Совѣтская власть представлялась ему своею, народною властью. Тутъ на мѣстахъ онъ видѣлъ себя полнымъ хозяиномъ своего управленія. Но откуда-то сверху, извнѣ, на него падали коммунистическіе декреты. Народъ недоумѣвалъ и не подчинялся имъ, какъ чему-то себѣ чуждому. Авторитетъ совѣтской власти сталъ падать и если-бъ дѣло продолжалось такъ далѣе и вовсе-бы упало. Совѣтская власть была-бы принуждена, во избѣжаніе катастрофы, созвать Учредительное Собраніе и уступить ему мѣсто.

Но случился чешскій переворотъ. Учредительное Собраніе всплыло вновь, но въ какомъ видѣ? Въ такомъ-же жалкомъ видѣ, какъ Государственная Дума въ періодъ Временнаго Правительства. Члены Учредительнаго Собранія изъ партіи социалистовъ-революціонеровъ постановили: не все Учредительное Собраніе считать законнымъ, а лишь въ той его части, которая не принадлежитъ къ большевикамъ, т. е. попросту эксфенестрировали (выбросили за окно) третью часть Учредительнаго Собранія. Кто далъ имъ на это право? — Никто: это было дѣломъ силы. Опять вопросъ объ Учредительномъ Собраніи всталъ въ плоскости силы, а не права. Но если социалисты-революціонеры эксфенестрировали большевиковъ, то ка-деты весьма желали эксфенестрировать социалистовъ-революціонеровъ и признавать Учредительное Собраніе только въ своемъ лицѣ. Итакъ, идея Учредительнаго Собранія была совершенно исковеркана, разъ одна часть считала себя вправѣ выгонять другую. При такомъ положеніи вещей, одно только соглашеніе могло создать въ антибольшевистскомъ лагерѣ органъ власти. Это и было сдѣлано на Государственномъ Уфимскомъ Совѣщаніи, изъ котораго вышла Директорія.

Директорія не имѣла никакого права претендовать на всероссийское признаніе и созданіе ею какого-то всероссийскаго правительства было воистину смѣхотворнымъ. Директорія была властью, созданною для борьбы съ большевиками, и больше ничего. Наилучшимъ исходомъ для нея было-бы закончить гражданскую войну предложеніемъ совѣтской власти мира на почвѣ созыва новаго Учредительнаго Собранія. Гражданская война была еще тогда только въ самомъ началѣ; кто побѣдитъ въ ней, оставалось неизвѣстнымъ. И во избѣжаніе страшнаго кровопролитія, я убѣжденъ, что совѣтская власть пошла бы на мировую.

Но опять таки вопросъ рѣшился не въ плоскости права,

а въ плоскости силы. Реакція подняла голову и совершила «Колчаковский» переворотъ, свергнувъ Директорію. Съ этого момента начинается новая эпоха въ жизни совѣтской власти.

Прежде всего, при сужденіяхъ о совѣтской власти должны быть выкинуты со счета все ужасы, которые творились во время гражданской войны. Творились они обѣими сторонами, сплошь и рядомъ, не по винѣ правительствъ, а вслѣдствіе расходившихся человѣческихъ страстей, съ которыми ни одно правительство справиться не могло. И въ дѣлѣ произнесенія приговора надъ этими жестокостями нельзя руководиться моралью готтентота: «Добро, если я чужую жену взялъ; зло, если у меня ее взяли». Жестокости должны быть осуждены съ какой-бы стороны онѣ не исходили, а такъ какъ онѣ имѣли мѣсто у обѣихъ сторонъ, то онѣ подлежатъ строгому приговору въ каждомъ данномъ случаѣ, но не могутъ быть брошены на вѣсы политической оцѣнки событій.

Со времени Омскаго переворота въ анти-совѣтскомъ лагерѣ реакція принимаетъ все болѣе и болѣе крайній характеръ. Начавшись съ похода противъ социалистовъ-революціонеровъ, она опрокидывается на народности, наконецъ на все, что имѣетъ мало-мальски демократическій характеръ. Прежде всего ея ненависть заслужило все, что соприкасалось съ дѣятельностью Самарскаго Комитета Учредительнаго Собранія. Самарскій Комитетъ организовалъ народную армію: слѣдовательно, надо раскассировать эту армію. Самарскій Комитетъ дозволилъ національностямъ организовать національные полки: слѣдовательно, надо раскассировать эти полки, и отнять у національностей право самоуправленія.

Въ Омскъ пріѣхала депутація отъ башкиръ хлопотать объ организаціи новыхъ башкирскихъ полковъ. Предсѣдатель Омскаго Правительства, Вологодскій, отвѣтилъ ей угрозами, что онъ повѣситъ предсѣдателя Уфимскаго Національнаго собранія, Валидова. Башкиры уѣхали и перешли на сторону совѣтской власти.

Пріѣхала мусульманская депутація въ городъ Омскъ для разъясненія своего недоумѣнія по поводу полученнаго ею отъ Омскаго Правительства распоряженія замѣнить выборное мусульманское управленіе управленіемъ по назначенію отъ Омскаго правительства. Ее не приняли. Мусульмане перешли на сторону совѣтской власти. Члены Учредительнаго Собранія, собравшіеся въ г. Екатеринбургѣ, спасаясь отъ разстрѣла, бѣжали въ Москву.

Наконецъ дошла очередь и до казачества. И оно было объявлено неблагонадежнымъ, благодаря своимъ демократическимъ тенденціямъ. Казачество заволновалось и отказалось слушаться приказа военнаго командованія. Дружины рабо-

чихъ подали поводъ къ подозрѣнію ихъ въ демократичности и тоже были раскассированы.

Наконецъ, въ городѣ Владивостокѣ дошла очередь и до кадетской партіи, которая, не выдержавъ дикаго разгула Семёновщины и Калмыковщины, поощряемой японскимъ военнымъ командованіемъ, объявила себя на сторонѣ Московскаго Правительства и, сообща съ эсъ-эрами, произвела переворотъ.

Между тѣмъ какъ силы анти-совѣтскія таяли, силы совѣтской власти все прибывали и прибывали. Вокругъ совѣтской власти соединилось все, что негодовало на реакцію. Это уже были болѣе не большевики, которые боролись съ анти-большевиками. Это была вся демократія, весь русскій народъ, крестьяне и рабочіе, которые взяли за оружіе противъ реакціи, несшей Россіи возвратъ къ старому порядку, открыто и нагло. Совѣтская власть въ своей борьбѣ противъ реакціи, звавшей себя на помощь войска иноземныя, была всенародно признана защитницей народа отъ угнетателей своихъ и чужихъ. Это объединеніе всего русскаго народа вокругъ совѣтской власти даетъ ей возможность сформировать новую русскую армію, поднять ее на должную высоту и воодушевить ее защитой отечества и правъ народныхъ отъ иноземцевъ и насильниковъ. Совѣтская власть становится русской народной властью, наперекоръ власти реакціонной, становящейся иноземной и анархичной. Въ то время какъ реакція выключиваетъ у иноземныхъ правительствъ себя помощи, совѣтская власть опирается только на самое себя и на русскій народъ. Гражданская война вознесла совѣтскую власть на ступень обще-признанной русской государственной власти.

Не читали-ли вы въ дѣтствѣ сказку о томъ, какъ дикій вервь превращается въ человѣка? Эта сказка вспоминается мнѣ при наблюденіи со стороны на совѣтскую власть. Исторія знаетъ такія политическія превращенія. Ходъ событій развертывается не такъ, какъ этого желаютъ политическіе руководители событій, а такъ, какъ предписываетъ имъ внутренній законъ историческаго развитія, заложенный въ сущность событій. И сама конечная цѣль, къ которой стремятся эти событія, ускользая отъ пониманія самихъ руководителей, въ конечномъ итогѣ сводится не къ той цѣли, которою задавались политическіе руководители, становясь во главѣ движенія.

Посмотрите на французскую революцію. Она началась съ интернаціональных лозунговъ, она велась во имя интернаціональнаго осчастливленія всего человѣчества благами равенства и свободы. Война Франціи противъ всей Европы открылась во имя освобожденія народовъ отъ тиранніи монарховъ и аристократіи.

А въ конечномъ итогѣ война послужила къ національному объединенію всей Франціи. Конвентъ создалъ единство французскаго государства и продолжалъ дѣло французскихъ королей по спайкѣ разнородныхъ частей Франціи. Реформы Конвента свелись къ уничтоженію остатковъ феодализма и къ созданію обще-гражданскаго права, т. е. то къ чему стремилась Франція въ теченіе восемнадцатаго столѣтія и чего не могли завершить уже французскіе короли, впавшіе въ дегенератство и утратившіе потому власть надъ руководствомъ государственною жизнью. Не то ли самое происходитъ съ совѣтской властью? Большевицскій переворотъ былъ совершенъ во имя осчастливленія всего человѣчества благами соціальной справедливости; цѣль, которую поставили себѣ, большевики, была всемірная революція. Но на самомъ дѣлѣ въ отношеніи Россіи къ чему сводится работа совѣтской власти? Она, какъ магнитъ, притягиваетъ къ себѣ всѣ отдѣльныя народности Россіи, спаивая ихъ въ единое русское государство. И то, чего императоры не могли достигнуть полицейскими мѣрами, дѣлается естественно во имя человѣческой солидарности и защиты угнетенныхъ классовъ. Всѣ народности чувствуютъ себя принадлежащими къ русскому государству, разъ оно защищаетъ ихъ отъ несправедливости и беретъ подъ свою охрану ихъ интересы. Соціальная справедливость спаиваетъ русское государство въ единство лучше всякихъ штыковъ и полицейскихъ мѣръ. Подобно тому, какъ нѣмецкая Эльзась-Лотарингія на вѣкъ почувствовала себя принадлежащею къ Франціи съ того момента, какъ французская революція открыла ей дверь къ равенству и свободѣ. Это-ли не превращеніе лозунговъ интернаціонала въ національные русскіе лозунги? Это-ли не работа обще-человѣческаго характера на благо русскаго государства?

Но пока совѣтская власть отстаивала права русскаго народа, реакція не находила ничего лучшаго, какъ науськивать на Россію иноземныя правительства. Это она называла общимъ дѣломъ. Кого? Русскаго народа или иноземныхъ правительствъ? Реакція успѣла въ этомъ и натравила Польшу. Движеніе польскихъ войскъ внутрь Россіи было воспринято всѣмъ русскимъ народомъ, какъ угроза цѣлости Россіи. Да и дѣйствительно, оно было такъ. Польша надѣялась подъ видомъ борьбы съ большевиками создать себѣ границы по Днѣпръ, какъ во времена Баторія. Русскіе реакціонеры покатили въ Варшаву и убѣдились, что все обстоитъ благополучно. Какъ въ Смутное время Сигизмундъ, поляки шли на Москву и, какъ тогда, теперь новые русскіе «перелѣты», какъ называли въ Смутное Время бояръ, предавшихъ Польшѣ, увѣряли, что очень хорошо, коли Сигизмундъ будетъ королемъ

✓
въ Москвѣ; русскій народъ не дозрѣлъ до самоуправленія. Однако, какъ въ Смутное Время, Россія отвѣтила ополченіемъ. На защиту отечества поднялся весь русскій народъ. Многие офицеры и солдаты, бросившіе арміи Врангеля и Колчака, кинулись въ ряды русской совѣтской арміи спасать родину отъ иноземцевъ. А реакціонеры не нашли ничего лучшаго, какъ помогать полякамъ и сулить Японіи Дальній Востокъ за побѣду надъ совѣтской властью.

✓
Польша была остановлена, Кіевъ и Украина остались за Россіей. Семеновъ, этотъ авангардъ Японіи, прогнанъ изъ Читы. Крымъ вновь присоединенъ къ Россіи. Грузія и весь Кавказъ вновь вошли составными частями въ русское государство. Все это было дѣломъ совѣтской власти. Если гражданская война сдѣлала совѣтскую власть русской государственной властью, то война съ иноземными государствами и ихъ русскими пособниками вознесла совѣтскую власть на степень національной власти, такъ какъ она спасала единство русскаго государства.

✓
Тогда реакція заголосила на весь міръ, что въ Россіи все обстоитъ неблагополучно, потому что генералъ Врангель очутился не въ Москвѣ, а въ Константинополѣ, и поспѣшила кое-что урвать отъ Россіи, отдавши русскія суда иностранцамъ. А на дальнемъ Востокѣ реакція, что только можно было золото и товары, вывезла изъ Сибири въ Японію. Затѣмъ, реакція, не видя себя въ Россіи, объявила столицей Европейской Россіи — Константинополь, а Сибири — не то Токио, не то Харбинъ и учредила два русскихъ правительства: въ Турціи и въ Китаѣ, и назвала это русскимъ національнымъ дѣломъ.

✓
Между тѣмъ, совѣтская власть для защиты русскихъ границъ пользовалась не только оружіемъ русскихъ войскъ, но и своимъ международнымъ престижемъ въ рабочихъ массахъ Европы. Если во время войны съ Польшей Россія избавилась отъ угрозъ Англіи, если во время войны за Крымъ и Грузію, Россія не видѣла пушекъ и ружей великихъ Европейскихъ державъ, то только потому, что рабочія массы въ Европѣ сочувствовали совѣтской власти и спасали Россію отъ иностраннаго порабощенія. Да, какъ это ни странно, но коммунизмъ правящей партіи совѣтской власти спасалъ Россію, а націонализмъ реакціи расчленялъ Россію.

✓
Спрашивается, кто-же въ глазахъ русскаго народа болѣе націоналенъ въ русскомъ смыслѣ, русскій-ли коммунистъ или русскій націоналистъ? Мнѣ вспоминаются при этомъ слова изъ Евангелія. Двухъ работниковъ звалъ къ себѣ хозяинъ. Одинъ отвѣтилъ: «Не пойду», а все-таки пошелъ; другой сказалъ: «Приду» и не пришелъ. Кто изъ двухъ въ кон-

цѣ концовъ оказался правъ передъ хозяиномъ, русскимъ народомъ? Да, интернаціональ оказался въ роли защитника русскаго государства, а Національный Съѣздъ въ роли его расчленителя. Какъ это ни странно, но это такъ. А почему? Надъ этимъ стоитъ призадуматься.

Въ глазахъ Національнаго Съѣзда Россія представляется самой по себѣ, а русскій народъ тоже самъ по себѣ. Какъ-будто можно любить Россію въ отдѣльности отъ русскаго народа. Получается не любовь къ отечеству, а какая-то фикція, вродѣ того, какъ *les émigrés de Coblentz* любили *la France chevaleresque* и ненавидѣли Францію таковой, какъ она была, Францію революціонную. Какая-то нитшеанская на-изнанку любовь къ дальнему, а не къ ближнему. Въ концѣ концовъ Россія это Національный Съѣздъ и границы Россіи это тѣ, которыя подсказываются интересами Нац. Съѣзда. Но интернаціональ стоитъ на противоположной точкѣ зрѣнія. Онъ любитъ всякій народъ и по его мнѣнію границы всякаго государства проходятъ тамъ, гдѣ проходятъ интересы народа. Отсюда получается, что у русскаго націоналиста на словахъ любовь къ Россіи, а въ сердцѣ злоба. А у русскаго коммуниста на ряду съ явной любовью къ интернаціоналу, въ сердцѣ тайная любовь къ Россіи.

Вотъ вы и разберитесь въ этомъ кажущемся противорѣчій, но только кажущемся. А на самомъ дѣлѣ, пусть временно и въ силу чрезвычайныхъ обстоятельствъ интересы русскаго народа совпадаютъ съ интересами русскихъ коммунистовъ, а интересы международной эксплуатаціи съ интересами русскихъ націоналистовъ. Оттого-то интернаціональ, не признавая національныхъ раздѣленій, защищаетъ Россію, а русскій націоналистъ, отмѣчая національныя различія, губитъ Россію, призывая на нее громы небесныя и международное вмѣшательство.

Потерпѣвъ полное фіаско въ своемъ внѣшнемъ нападеніи на русскій народъ, реакція приготовилась сломить совѣтскую власть путемъ внутренняго взрыва въ тотъ моментъ, когда совѣтская власть, провозглашенная русскимъ народомъ, защитницей революціи и государственнаго единства Россіи, готовилась приступить къ мирному строительству Россіи, объявивши революцію законченной, т. е. попросту говоря, реакція собралась вбивать палки въ колеса естественной эволюціи совѣтской власти. Кому-же реакція собралась служить, русскому народу или себѣ? «Русскому народу», отвѣчаютъ взрыватели Совѣтской власти. — «Себѣ» — отвѣтили мы.

По закону исторической необходимости совѣтская власть должна эволюціонировать въ мирный правопорядокъ: револю-

✓
ционный образъ правленія не можетъ длиться безконечно. Совѣтская власть идетъ этимъ естественнымъ путемъ, только оставьте ее въ покоѣ. Послѣ рѣчи Ленина въ апрѣлѣ мѣсяцѣ на коммунистическомъ съѣздѣ въ Москвѣ, что коммунистическій строй не пригоденъ въ Россіи, началась эволюція совѣтской власти. Конечно, эволюція не значитъ возвращеніе къ кабалѣ народной и отказъ отъ революціонныхъ идеаловъ. Эволюція значитъ медленное приноровленіе завоеваній революціи къ экономическимъ условіямъ страны и къ культурному состоянію народонаселенія. Совѣтская власть въ своей эволюціи идетъ ощупью, чтобы съ одной стороны найти вѣрную базу для реформъ, а съ другой, чтобы не повредить правамъ и интересамъ народа. Путь совершенно правильный. >

Но русскіе народолюбцы во время медленного хода поѣзда русской государственности къ конечной станціи взрываютъ мосты и разрушаютъ рельсы, чтобы поѣздъ провалился. И это они называютъ служить народу! Да поймите-же, что вы этимъ только тормозите скорѣйшее осуществленіе въ Россіи твердаго правопорядка. Вы не освобождаете, вы мучаете русскій народъ. Въ отвѣтъ на ваши взрыванія совѣтской власти она принуждена обороняться. Пусть терроръ жестокой способъ самозащиты, но если вы хотите его прекращенія, бросьте нападать. Для чего вы нападаете?

«Потому, что совѣтская власть тираннична, а мы желаемъ свободы». А я спрошу васъ:

«Что совѣтская власть, тираннична по любви къ тиранніи или по необходимости?»

Помните-ли вы, что совѣтская власть въ маѣ мѣсяцѣ 1918 года объявила всеобщую амнистію? Тираннъ таковой не объявляетъ. Терроръ красный начался въ отвѣтъ на терроръ бѣлый. Немедленно послѣ окончанія гражданской войны совѣтская власть вторично объявила амнистію. > Во время войны съ Польшею, совѣтская власть дѣлала призывъ ко всѣмъ желающимъ вступить въ ряды русской арміи и многіе пошли на этотъ призывъ. >

Что Петръ Великій, основатель новой Россіи, творившій во время казни стрѣльцовъ не меньшій терроръ, чѣмъ совѣтская власть, былъ тиранномъ по доброй волѣ или по принужденію?

По принужденію Петръ становился тиранномъ, по принужденію совѣтская власть вступаетъ на путь террора.

Итакъ, не принуждайте совѣтскую власть быть тиранничной всевозможными заговорами, возстаніями и угрозами. Прекратятся заговоры, прекратится и терроръ, и русскій народъ получитъ свою свободу изъ рукъ совѣтской власти, потому что совѣт-

ская власть есть власть, вышедшая изъ русскаго народа, своя ему, народная власть, оберегающая народъ отъ всяческихъ насильниковъ, правда, жестокими средствами, но все-же для блага народа.

«Да гдѣ-же вы видите эту эволюцію совѣтской власти?»

Развѣ только слѣпой ее не видеть, а зрячій не хочетъ замѣчать. Какъ теченіе рѣки совершается въ силу естественной необходимости, такъ эволюція свойственна всякой власти въ силу необходимости исторической. Возстанія, заговоры, подобно обваламъ, падаютъ на теченіе рѣки и загромождаютъ ее. Но рѣка, разливаясь, прорываетъ искусственныя плотины и продолжаетъ течь.

Я вижу эволюцію совѣтской власти въ разумномъ соглашеніи съ капитализмомъ.

Я вижу эволюцію совѣтской власти въ соглашеніи съ крестьянствомъ.

Я вижу эволюцію совѣтской власти въ соглашеніи съ торговлей и промышленностью.

Я вижу эволюцію совѣтской власти въ соглашеніи съ частной энергіей и предпринимательствомъ.

Конечно, эволюція не можетъ идти такъ быстро, какъ это бы хотѣлось, глядя со стороны. Эволюція должна быть осторожна, чтобы не сдѣлать ложнаго шага и не заставить власть споткнуться, иначе это и не была бы эволюція. Сперва долженъ быть заложенъ экономическій фундаментъ новой Россіи, затѣмъ возведены стѣны городского и мѣстнаго управленія, потомъ устроенъ внутренній правопорядокъ и, наконецъ, все зданіе увѣнчано свободой гражданскихъ взаимоотношеній.

Но въ этой отвѣтственной передъ русскимъ народомъ работѣ по возведенію новаго государственнаго правопорядка въ Россіи совѣтское правительство не должно ни съ кѣмъ раздѣлять ни своей отвѣтственности, ни власти. Всякое дробленіе совѣтской власти, всякое умаленіе ея авторитета или раздѣленіе ея съ какими либо учрежденіями, отъ совѣтской власти независящими, будетъ губительно отражаться на работѣ строительства новой Россіи. Въ моменты творчества требуется высшее напряженіе, а высшее напряженіе требуетъ единства власти. Если хоть малѣйшую часть своихъ прерогативъ совѣтская власть выпуститъ изъ рукъ своихъ, эта часть, претендуя на власть, вызоветъ въ управленіи вмѣсто единства дѣйствій, антагонизмъ частей самораздѣлившейся власти. Такъ это и произошло съ созданнымъ совѣтской властью Общественнымъ Комитетомъ помощи голодающимъ. Его учрежденіе было использовано для агитаціи противъ совѣтской власти.

Если кто хочет работать на благо русского народа, или и работай, подчиняясь совѣтской власти, а иначе твоя работа ненужна.

Во время строенія всѣ должны работать, а не мѣшать работѣ. Если при постройкѣ будетъ нѣсколько хозяевъ, дающихъ противорѣчивыя приказанія, то домъ не выстроится, постройка остановится. Кто отъ этого потеряетъ? — Русскій народъ.

«Хорошо это новое строительство, коли голодъ въ Россіи, отвѣтственность за который падаетъ на совѣтскую власть», возражаютъ мнѣ.

Нѣтъ, отвѣтственность за голодъ не падаетъ на совѣтскую власть. Причиной голода въ Россіи является во-первыхъ всемірная война, оторвавшая отъ крестьянства 17 милл. работниковъ и уменьшившая тѣмъ посѣвную площадь; во-вторыхъ, революція, кинувшая крестьянъ въ объятія дикой анархіи, измщенія и ненависти къ помѣщикамъ уничтожившей весь помѣщичій хозяйственный живой и мертвый инвентарь. Я самъ видѣлъ въ Самарской губерніи, какъ совѣтская власть принимала всѣ мѣры къ спасенію хозяйственной культуры, которую надо было сохранить для блага самого-же крестьянства, а не уничтожать. Но совѣтская власть была безсильна передъ стихійнымъ движеніемъ. Боясь возврата помѣщиковъ, крестьяне уничтожили рѣшительно все, что ни попадало имъ подъ руку изъ помѣщичьяго сельско-хозяйственного инвентаря, не желая понимать, что этимъ они сами себя раззоряютъ. Вслѣдствіе такового образа дѣйствія крестьянъ, въ Россіи уменьшился запасъ сельско-хозяйственного инвентаря и притомъ въ самой культурной своей части. Въ-третьихъ, земля, взятая крестьянами, поступила въ передѣлъ, между тѣмъ какъ сельско-хозяйственная культура требуетъ единства воздѣлываемаго участка. Кромѣ того, сельско-хозяйственная культура у крестьянъ всегда стояла ниже, чѣмъ у помѣщиковъ, благодаря денежнымъ средствамъ послѣднихъ, позволявшимъ имъ обзаводиться лучшимъ инвентаремъ. Немудрено, что продуктивность перешедшей къ крестьянамъ земли уменьшилась и урожайность сократилась.

Въ-четвертыхъ гражданская война разразилась какъ разъ въ самыхъ хлѣбопродуктивныхъ районахъ Россіи, въ Поволожѣ, Украинѣ, на Кавказѣ и въ Сибири, оставляя за собой пепелище, бѣгство цѣлыми селами въ лѣса и раззореніе хозяйствъ. Наконецъ, на все это опустошеніе, анархію и земельную неразбериху пала засуха. Неудивительно, что она окончательно доконала крестьянское хозяйство и земля отказалась производить. Прибавьте къ этому, что блокада помѣшала придти во-время крестьянину на помощь сельско-хозяйственными ору-

діями, всегда получавшимися Россіей изъ за-границы. При чемъ-же во всемъ этомъ дѣлѣ совѣтская власть?

Политическія и соціальныя страсти, разразившіяся надъ Россіей въ гигантскихъ размѣрахъ, создали въ Россіи разруху, не позволившую ей превозмочь природное бѣдствіе — засуху.

И въ дѣлѣ борьбы съ голодомъ совѣтская власть должна не бояться взять на себя полную отвѣтственность передъ русскимъ народомъ за мѣры помощи голодающему населенію, по возможности не раздѣляя этой отвѣтственности ни съ кѣмъ.

Такимъ образомъ, полнота совѣтской власти требуется для блага Россіи. Только изъ этой полноты можетъ вытечь для русскаго народа новая форма его государственнаго бытія. Новый русскій правопорядокъ можетъ, какъ наслѣдіе революціи, выйти только изъ нѣдръ самой-же совѣтской власти и больше ниоткуда. Никакое Учредительное Собраніе дѣлу не поможетъ. Если созывать его теперь, то на фонѣ хаотичности русской жизни и полного броженія всѣхъ ея силъ, Учредительное Собраніе явится не элементомъ порядка, а очагомъ беспорядка, не правопорядокъ создастъ, а ввергнетъ лишь Россію въ новую анархію, гдѣ за шумомъ партійныхъ ссоръ и преній и нескончаемой волокитой рѣшеній, власть, утратившая всякую силу и энергію, станетъ призракомъ, добычей героевъ минуты. Если-же Учредительное Собраніе созывать послѣ того, какъ совѣтская власть создастъ новый строй и водворитъ въ Россіи порядокъ, то Учредительное Собраніе не будетъ имѣть рѣшительно никакой передъ собой работы и созывъ его будетъ безцѣльнымъ. Всю работу Учредительнаго Собранія совѣтская власть уже исполнитъ сама. Учредительному Собранію нечего будетъ дѣлать, развѣ спорить съ тѣмъ, что сдѣлано совѣтской властью и разрушать сдѣланное. Но это уже будетъ не работа, а опять-таки анархія. А потому Учред. Собранію нѣтъ болѣе мѣста въ Россіи.

Для чего жить постоянно европейскимъ шаблономъ? Для чего не смотрѣть на дѣйствительность такъ, какъ она есть, прямо въ глаза? < Совѣтская власть есть національная русская революціонная власть, созданная стихійнымъ движеніемъ русскаго народа, почему не можетъ она сама отъ себя живыми же силами русскаго народа преобразиться въ определенный и устойчивый правопорядокъ? > На этотъ вопросъ рѣшительно никакого возраженія послѣдовать не можетъ. Если-же немедленно на память приходитъ Учредительное Собраніе, то это попросту трафаретъ, взятый изъ учебника исторіи и, какъ граммофонъ, разыгрывающій свою музыку въ нашемъ мозгу. Болѣе ничего.

«А воля народа»? — возразятъ мнѣ. Почему-же воля народа будетъ болѣе сказываться при выборахъ въ Учред. Собраніе,

чѣмъ при выборахъ въ Совѣты? Слѣдовательно, здѣсь дѣло заключается не въ Учредительномъ Собраніи, какъ таковомъ, а въ избирательномъ законѣ. Вопросъ сводится къ рѣшенію, какой избирательный законъ наилучшій для русскаго народа? Прямые выборы основаны на борьбѣ партій и требуютъ для своего осуществленія партійной организаціи, партійныхъ списковъ и сознательности народной массы. Безъ партій прямые выборы несмыслимы, потому, что голосованіе разобьется о множественность кандидатовъ, изъ которыхъ никто большинства не получить. Но если народъ не разбирается въ партіяхъ, если онъ не относится сознательно къ выборамъ, прямые выборы превращаются въ обманъ народа. Итакъ, прямые выборы, это выборы партійные, выборы сознательные.

При установленіи избирательнаго права надо руководиться желаніями и смысломъ русскаго народа, степенью его сознательности, а не исключительно иностранными образцами.

Какъ ни какъ, а русскій народъ понимаетъ совѣтскіе выборы, а партійныхъ выборовъ не понимаетъ. Рядъ именъ и названій лицъ, которыхъ онъ и въ глаза-то не видалъ, что они ему говорятъ? «Надуютъ», думаетъ про себя народъ и несетъ избирательные списки къ урнамъ, заранѣе уже не довѣряя своимъ избранникамъ. Такова психологія русскаго народа. Считаться-ли съ ней или назвать ее азіатчиной?

Старый споръ между славянофильствомъ и западничествомъ. Славянофилы считались съ народнымъ укладомъ жизни, съ народной психологіей и во имя ея отрицали европейскій шаблонъ. Западники презирали отсталость русскаго народа и во имя блага цивилизаціи требовали слѣдованія европейскимъ образцамъ. Кто изъ нихъ былъ болѣе правъ?

Во всякомъ случаѣ, славянофилы были ближе къ народу, чѣмъ западники. Ихъ слабой стороной было полное пренебреженіе къ внѣшней политической организаціи страны. Все свое вниманіе они обращали на соціальную основу государства, которую они представляли себѣ въ видѣ разросшейся общины, рѣшавшей дѣла міромъ, т. е. приходившей къ заключенію на основаніи убѣжденія, а не на основаніи политической борьбы, которую славянофилы рѣзко отрицали. Опять-таки психологія, подмѣченная славянофилами, есть психологія русскаго народа.

Совѣтъ есть сколокъ общиннаго управленія и потому понятенъ народу; тоже отрицаніе политической борьбы и выставленіе на первый планъ дѣловитости и связи съ мѣстнымъ населеніемъ. И вотъ, какъ это ни странно, какъ два полюса электричества внезапно сходятся два теченія и вспыхиваетъ свѣтъ, старое славянофильство и новая совѣтская власть протягиваютъ другъ другу руки. «Въ новизнѣ твоихъ преобразованій старина наша слышится». Идеализируя общину, славянофи-

лы сами не жили въ общинѣ. Если-бы они были послѣдовательными, то они пришли-бы къ совѣтской власти, которая есть общинное управленіе государствомъ. И еще одна неожиданная черта соединяетъ старое и новое, проповѣдь славянофиловъ о мессіанскомъ призваніи Россіи съ таковой-же проповѣдью русскаго коммунизма. Всѣ славянофилы отмѣчали національную черту русскаго народа — его всечеловѣчность. Не оттого-ли русскій народъ такъ легко воспринялъ міровоззрѣніе большевизма и призналъ его своимъ, роднымъ, что и онъ прежде всего всечеловѣченъ? Еще 20 лѣтъ тому назадъ одинъ славянофилъ, ничего общаго съ коммунизмомъ не имѣвшій, увѣренно говорилъ мнѣ: «Если суждено какому-либо народу осуществитъ въ мірѣ полную социальную справедливость, такъ это будетъ только русскій народъ». Чѣмъ община привлекала славянофиловъ? Своею социальной справедливостью. Правда, эта социальная справедливость была въ противорѣчьи съ культурнымъ землепользованіемъ. Дѣло будущаго сочетать общинное начало съ культурнымъ способомъ хозяйства.

Какъ представляли себѣ славянофилы государственный строй Россіи?

Въ видѣ самоуправленія, въ которомъ преодолѣна всякая политическая и партійная борьба, а всѣ соединены общей дѣловой работой во имя единого общаго идеала. Развѣ это не есть цѣль, которую ставить передъ собой совѣтская власть?

Наконецъ, міровое призваніе Россіи славянофилы видѣли въ проповѣди всѣмъ народомъ вселенскаго братства. Націонализмъ славянофиловъ не былъ узкимъ; онъ былъ всечеловѣченъ. А развѣ не тотъ-же ли призывъ къ всемірному братству раздается изъ Москвы и служить какъ-бы національнымъ набатнымъ звономъ совѣтской власти? Такъ сбросивши броню европейскихъ узурчатыхъ покрововъ, Россія встаетъ передъ міромъ въ новой одеждѣ своего національнаго бытія и общечеловѣческаго служенія. Петербургскій періодъ, столь ненавидимый славянофилами, кончился и изъ глубины вѣковъ идетъ русская самобытность на творческую работу ради себя и всего человѣчества.

Подъ знаменемъ коммунизма совѣтская власть взяла бразды правленія въ Россіи. Иначе поступить она не могла. Силою историческихъ обстоятельствъ большевикамъ однимъ оказалась подѣлу роль защитниковъ революціи отъ реакціи. Но ихъ программа имѣла двѣ стороны: одна — полное разрушеніе стараго порядка, и въ этой части ихъ программы весь русскій народъ былъ за одно съ ними, другая сторона — внѣдреніе въ Россіи коммунистическаго строя. Здѣсь весь ходъ революціи за періодъ гражданской войны выявилъ слѣдующее: чѣмъ болѣе совѣтская власть пропитывалась коммунистическими началами, тѣмъ слабѣе она была и наоборотъ, чѣмъ болѣе совѣтская власть, откладывая въ сторону отвлеченныя теоріи, шла на встрѣчу государственнымъ потребностямъ, тѣмъ сильнѣе она становилась. Непреодолимый законъ исторической необходимости толкалъ совѣтскую власть къ тому, чтобы изъ орудія коммунистической программы превращаться въ орудіе осуществленія историческихъ задачъ Россіи и русскаго народа. Въ дѣлѣ аграрной реформы хаосъ ежегодныхъ передѣловъ, вслѣдствіе постоянного дробленія земельныхъ участковъ и череполосицы, сводившій на нѣтъ земельную культуру крестьянъ, заставилъ совѣтскую власть закрѣпить послѣдній общій передѣлъ на девять лѣтъ. Въ области промышленности социализація, которая требуетъ глубочайшаго развитія техническаго аппарата и сознательнаго усвоенія рабочими своихъ трудовыхъ обязанностей, также не могла удалиться въ Россіи при полной неразвитости ея промышленнаго строя и необразованности ея населенія. Социализмъ есть строй долженствующій придти на смѣну капиталистическому строю. А потому неудивительно, что совѣтская власть отъ чистаго и послѣдовательнаго принципа социализаціи должна была перейти къ принципу націонализаціи, т. е. взять всю промышленность въ руки государственнаго управленія. Но государственное управленіе имуществами, въ свою очередь, требуетъ огромнаго техническаго персонала, бюрократизируетъ процессъ государственнаго творчества и, уничтожая свободную энергію индивидуума, строить государство на началахъ принудительныхъ. А потому и исключительно государственное управленіе имуществами, т. е., законченный этатизмъ, въ порядкѣ постепенности русскаго социально-экономическаго прогресса не могъ осуществиться въ Россіи безъ предварительнаго прохожденія болѣе низкой капиталистической формы хозяйства съ ея свободнымъ проявленіемъ про-

изводительной энергии и свободным развитием форм хозяйственного творчества.

Этот непреодолимый закон экономического развития заставил советскую власть вступить в третий период ее хозяйственного устройства России и путь ее при этом сам собой намѣтился одинъ: устройство в России прочной капиталистической базы. Но устройство таковой базы вовсе не должно означать для русского народа кабальной зависимости отъ капитала. Тотъ капиталистическій строй, который диктуется для России в силу исторической эволюции и которого она при старомъ порядкѣ не имѣла, долженъ выйти изъ рукъ советской власти, какъ такой строй культурнаго государственнаго капитализма, при которомъ широкій размахъ частной предпримчивости на началахъ коллективныхъ вытѣсняетъ ограниченный размѣръ частной собственности съ ее узкимъ коммерческимъ кругозоромъ. Капиталистическій строй новой России долженъ означать для рабочаго класса полное осуществленіе его правъ на трудъ и матеріальную обезпеченность, гарантированныхъ бдительнымъ контролемъ государства и законодательствомъ.

Разрѣшеніе частной торговли и заключеніе торговыхъ трактатовъ съ рядомъ капиталистическихъ державъ открываютъ новый этапъ въ дѣятельности советской власти по урегулированію экономическихъ отношеній в России. Эти мѣры неудержимо влекутъ за собой свободный обмѣнъ продуктовъ потребленія на началѣ спроса и предложенія взаимнаго распредѣленія ихъ исключительно государственной властью. В силу непреложнаго закона о степени производительности труда въ зависимости отъ личнаго усилія повысить свои жизненные удобства, советская власть переходитъ отъ начала обязательной трудовой повинности къ началу свободнаго приложенія труда въ мѣру имъ самимъ себѣ ставимую.

Наконецъ, признаніе советской властью государственныхъ долговъ России открываетъ необходимость введенія в России устойчиваго денежнаго обращенія на началахъ, обезпечивающихъ для России ее международный торговый оборотъ. Люди задняго числа и стараго мышленія не замѣчаютъ той огромной работы, которая происходитъ в России въ дѣлѣ переустройства ее на новыхъ началахъ. Живя отрывкою гражданской войны и не желая видѣть собственныхъ ошибокъ, они довольствуются слѣпою ненавистью къ большевикамъ, думая въ ее неустанной страстности черпать для себя уроки государственной мудрости. Разумъ государственный состоитъ не въ томъ, чтобы довольствоваться собственнымъ самовосхваленіемъ и униженіемъ своихъ политическихъ противниковъ

во всемъ, что-бы они не дѣлали, а въ томъ, чтобы замѣчать все полезное для государства, что исходитъ хотя бы изъ противнаго лагеря. Совѣтская власть видимо все болѣе и болѣе опирается на живую почву реальныхъ нуждъ русскаго народа и слѣпецъ тотъ, который этого не замѣчаетъ. Въ изступленіи ненависти реакціонеры кричатъ о борьбѣ съ совѣтской властью. Съ кѣмъ желаютъ они бороться? Съ русскимъ народомъ, который защищаетъ совѣтскую власть, какъ свое собственное произведеніе? Противъ себя лучше боритесь, господа реакціонеры, противъ вашего упornaго желанія привести русскій народъ назадъ подъ иго политическихъ и социальныхъ несправедливостей. < Совѣтская власть куётъ новую Россію, испытывая каждый свой шагъ, остерегаясь ложнаго, дѣлая опыты, измѣняя его по мѣрѣ выясненія степени жизненной его непріемлемости. Враги совѣтской власти подстерегаютъ каждый ея шагъ и всякій разъ, какъ видятъ ея промахъ, кричатъ о ея несостоятельности.

— А развѣ Петръ Великій, — спрошу я, когда онъ ковалъ новую Россію, не дѣлалъ промаховъ? Слѣдуетъ ли изъ этого все творчество его признать несостоятельнымъ?

Ошибокъ не дѣлаетъ лишь тотъ, кто вообще ничего не дѣлаетъ; а въ каждомъ живомъ дѣлѣ даже и великому мастеру свойственно дѣлать ошибки. Вотъ почему плодотворность работы оцѣнивается совершенно независимо отъ сдѣланныхъ ошибокъ, а лишь по конечнымъ результатамъ всего дѣла.

Что коммунизмъ не примѣнимъ въ Россіи, — это фактъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что и совѣтская власть для Россіи не примѣнима или что большевистская партія оказалась несостоятельною въ предпринятомъ ею новомъ государственномъ творествѣ.

Когда я перебираю въ умѣ длинный рядъ именъ представителей разныхъ партій, стоявшихъ у власти за время революціи и державшихъ экзаменъ на свою государственную зрѣлость, я вижу, что ни партія конституціонно-демократическая, ни партія социалистовъ-революціонеровъ, — людей государственно мыслящихъ не выдвинула. Нельзя назвать государственными людьми лицъ партійнаго шаблона. Жизнь всегда идетъ мимо партійныхъ программъ, не считаясь ни съ какими партійными рамками. Только тотъ, кто улавливаетъ пульсъ народной жизни, опредѣляетъ ея истинный характеръ и вливаетъ въ тѣ новыя формы, къ которымъ жизнь естественно стремится, только тотъ воистину и обладаетъ государственнымъ разумомъ.

Были ли такіе люди среди конституціонно-демократической партіи? — нѣтъ. Привыкшіе къ парламентскому типу государственнаго правленія, лидеры нашей конституціонно-

демократической партіи не уловили пульса революціи; они растерялись и, потерявъ голову, метнулись въ сторону тѣхъ, кто желалъ свести революцію на нѣтъ. Партія конституціонно-демократическая не выдержала государственнаго экзамена и провалилась.

Партія социалистовъ-революціонеровъ есть партія сентиментальнаго идеализма. За все время революціи она не выставила ни одного государственнаго человѣка. При всемъ благородствѣ своего характера Керенскій былъ непригоденъ стоять у кормила правленія. Конечно, нельзя винить его за то, что силою обстоятельствъ онъ вознесенъ былъ на вершины власти, которой онъ никогда овладѣть не могъ, и наоборотъ былъ постоянно подавленъ ея тяжестью. Керенскій никогда не имѣлъ дерзанія, что составляетъ истинный характеръ государственнаго человѣка, вѣчно боялся отвѣтственности за всякое проявленіе власти и потому искалъ прятаться за чужія спины, а не выступать отъ собственнаго имени. Такой характеръ не пригоденъ къ государственной власти. Всѣ остальные лидеры партіи социалистовъ-революціонеровъ оказались людьми узкаго и наивнаго шаблона.

Изъ партіи социаль-демократовъ меньшевиковъ я знаю только одного человѣка дѣйствительно государственнаго характера, это Церетелли. Однако, судьба оставила его въ тѣни въ бурномъ ходѣ русскихъ революціонныхъ событій, быстро переведа его на другую историческую арену.

Перейдемъ теперь къ партіи большевиковъ. Здѣсь мы сразу замѣчаемъ людей крупнѣйшаго государственнаго характера: Ленинъ, Троцкій, Чичеринъ, Красинъ, Каменевъ, Литвиновъ, Зиновьевъ, все это люди дѣйствительно государственной силы, умѣющіе руководить событіями, а не подчиняться имъ, владѣть властью, а не спибаться подъ ея тяжестью. Все это люди, стоящіе выше буквъ партійной доктрины, смотрящіе жизни прямо въ лицо, а не закрывающіе глазъ передъ ея требованіями, какъ бы ни были послѣднія неожиданны съ точки зрѣнія ихъ партійной программы. Да, именно въ этомъ сила большевистской партіи — не программа владѣетъ ею, а она владѣетъ своею программой, она учитываетъ реальныя условія русской жизни въ процессѣ революціоннаго творчества новаго государственнаго строя Россіи и даетъ русскому народу то, что ему надо, какъ конкретной исторической величинѣ, а не какъ отвлеченной идеологической фикціи. Сентиментальные идеологи изъ партіи социалистовъ-революціонеровъ кричатъ тогда объ измѣнѣ большевиковъ своей партійной программѣ. Таковыя обвиненія вполне доказываютъ несостоятельность партіи социалистовъ-революціонеровъ, какъ партіи государственной. Въ концѣ концовъ программа ли существу-

еть для блага народа или народъ долженъ существовать для выполненія программы? Хирургическая операція должна ли примѣняться для исцѣленія больного или наоборотъ больной существуетъ для хирургическихъ экспериментовъ? Суббота ли для человѣка или человѣкъ для субботы? Вопросъ давно жизнью поставленный и жизнью рѣшенный. Всякая партійная программа оцѣнивается постолько, поскольку она пригодна для блага народа, взятаго въ условіяхъ своего культурно-экономическаго бытія. Кто этой аксіомы понять не можетъ, тотъ не годится для государственной власти. Большевики это понимаютъ; они не люди узкаго партійнаго образа мысленія, они люди государственной власти, они считаются съ узорной канвой развертывающихся передъ ними историческихъ событій; они оцѣниваютъ ихъ. Они видятъ жизнь русскаго народа таковой, какъ она есть въ дѣйствительности, отсталой отъ европейскаго уклада, отсталой и въ экономическомъ и въ политическомъ отношеніи, благодаря старому порядку, державшему русскій народъ искусственно въ цѣпяхъ невѣжества и архаическихъ порядковъ. Такому народу нужна сильная власть для приведенія его въ строй европейской передовой культуры.

Сильна ли совѣтская власть? Способна ли она вывести русскій народъ изъ состоянія его первобытной отсталости? Да, совѣтская власть сильна, сильна довѣріемъ къ ней народа, сильна своими вождями и своими организаторскими способностями. Совѣтская власть выведетъ русскій народъ на путь мірового прогресса; совѣтская власть дастъ русскому народу его экономическое и политическое процвѣтаніе.

Среди разрухи, которую оставилъ по себѣ въ Россіи старый порядокъ, и смѣлому государственному разуму не легко отличить цѣлесообразную зрѣлую реформу отъ плода разгоряченныхъ политическихъ фантазій. Но совѣтская власть идетъ впередъ среди терній, разставляемыхъ ей по пути гнилыми руками политическихъ мертвецовъ; совѣтская власть, разбивая всѣ препятствія, стремится, не замедляя своего шага, къ конечной цѣли своей работы, устроенію жизни русскаго народа на началахъ соціальной справедливости и политической свободы. Въ какой конечный синтезъ выльется это гармоническое сочетаніе идеологической правды съ конкретнымъ фактомъ дѣйствительнаго состоянія русскаго народа, покажетъ близкое будущее. Во всякомъ случаѣ, всякому русскому, не утратившему окончательно любви къ русскому народу, совѣсть его должна диктовать содѣйствовать этой работѣ совѣтской власти, а не противодѣйствовать ей.

«Помощь всякаго русскаго совѣтской власти должна вы-

разиться, во первыхъ, въ искреннемъ признаніи совѣтской власти, какъ власти вышедшей изъ нѣдръ русскаго народа въ стихійномъ стремленіи къ новой лучшей жизни, и во вторыхъ въ посильной работѣ по укрѣпленію этой власти на благо русскаго народа, а за границей во всяческомъ содѣйствіи къ признанію совѣтской власти иностранными державами. Русскіе политическіе мертвецы, скитающіеся всюду по западной Европѣ, не понимающіе русской революціи и ничему не научившіеся, кричатъ о совѣтской власти, какъ власти тираннической, навязанной русскому народу откуда-то извнѣ. Кто, спрашивается, навязалъ русскому народу совѣтскую власть? Развѣ мы не были очевидцами того, какъ по мановенію ока по всѣмъ градамъ и весямъ Россіи совѣтская власть возникла еще въ дни мартовской революціи? Кто толкалъ русскій народъ организовывать совѣты? Развѣ не самъ русскій народъ, и развѣ не потому, что онъ хотѣлъ стать хозяиномъ своей судьбы и своего государства? Близорукіе люди, смотрящіе на русскую революцію сквозъ очки своихъ формулъ и, отвергающіе все, что подъ эти формулы не подходитъ! Революція никогда никакими формулами не ограничивается. Въ ней господствуетъ стихія и стихія сама создаетъ новыя формы и новыя формулы.

Итакъ, если мы не желаемъ уподобиться политическимъ мертвецамъ, то мы должны, какъ можно скорѣе встать въ ряды защитниковъ совѣтской власти, какъ власти русской, народной и сдѣлаться активными участниками въ дѣлѣ закрѣпленія въ Россіи новаго государственнаго устройства силами совѣтской власти. Что мѣшаетъ человѣку, къ какимъ бы политическимъ взглядамъ онъ ни принадлежалъ, способствовать работѣ совѣтской власти на пользу и благо русскаго народа? Неужели не понимаетъ онъ, что тѣмъ скорѣе совѣтская Россія почувствуетъ миръ и спокойствіе, тѣмъ легче будетъ работа по строительству новой Россіи и тѣмъ плодотворнѣе и успѣшнѣе будетъ теченіе, влекущее русскіе народъ къ его новой судьбѣ? Неужели мы не будемъ привѣтствовать этотъ государственный расцвѣтъ русскаго народа? Вспять возвращаться — для русскаго народа всѣ пути отрѣзаны. Онъ самъ ихъ отрѣзалъ, твердо ставши въ гражданской войнѣ на сторону совѣтской власти. Есть только одно движеніе для русскаго народа и это движеніе — впередъ. Неужели этому движенію мы не будемъ сочувствовать, не принесемъ посильно каждый хоть одинъ кирпичъ для новаго государственнаго строительства Россіи? Недавно вышелъ сборникъ «Смѣна Вѣхъ», призывающій русскую интеллигенцію пересмотрѣть

свое отношеніе къ совѣтской власти. Дѣйствительно, вѣхи, которыя русская интеллигенція ставила во время революціи, шли по границѣ отмежеванія большевиковъ отъ анти-большевиковъ. Такое раздѣленіе, какъ оказалось, не выдержало приговора жизни. Въ то время какъ шла борьба между большевиками и антибольшевиками, въ Россіи выросла новая власть, какъ новый факторъ въ исторической жизни русскаго народа, власть народная, власть совѣтская. Эта власть смела старыя границы между большевиками и антибольшевиками и, какъ національная русская власть, зовѣтъ всѣхъ безъ различія ихъ прежнихъ политическихъ убѣжденій служить русскому народу. Вотъ то новое явленіе въ жизни русскаго народа, которое требуетъ отъ русской интеллигенціи смѣны вѣхъ. Можно быть въ оппозиціи къ большевикамъ, но можно ли бороться противъ государственной власти, которую русскій народъ призналъ своею, и противъ тѣхъ завоеваній, ради которыхъ русскій народъ началъ революцію?

Сборникъ «Смѣна Вѣхъ» призываетъ всѣхъ встать въ ряды активныхъ защитниковъ совѣтской власти, какъ формы правленія, которая угодна русскому народу, а потому національна.

Говорятъ о красной арміи, какъ объ отличной отъ арміи русской. Какъ не понимаютъ, что она давно уже превратилась въ національную армію, которая защищаетъ границы отечества, нашей единой родины Россіи. Говорятъ о «большевистской Россіи». Какъ не понимаютъ, что никакой большевистской Россіи нѣтъ, а есть попросту Россія, въ которой существуетъ новая форма правленія — совѣтская власть и что обязанность каждаго русскаго защищать эту Россію, если онъ не желаетъ быть измѣнникомъ. Говорятъ о «совѣтскихъ миссіяхъ», какъ не понимаютъ, что совѣтскія миссіи это посланцы русскаго народа къ иностраннымъ державамъ и что обязанность всякаго русскаго содѣйствовать успѣху работъ посланцевъ русскаго народа. Гдѣ же это видано, чтобы какой либо иностранецъ сталъ противодѣйствовать работѣ миссіи той страны, къ которой онъ принадлежитъ? А русскіе эмигранты еще этого не понимаютъ и всячески дискредитируютъ посланцевъ русскаго народа передъ иностранными державами. Полезно ли это для русскаго народа? Кому служить? Русскому народу? Нѣтъ. Неужели можно партійную злобу переносить на международныя отношенія Россіи? Неужели можно изъ за ненависти къ большевикамъ колебать престижъ русской власти? Кто отъ этого выигрываетъ? Всѣ, только не Россія.

И это колебаніе международнаго авторитета русской власти уже сказалось. На Вашингтонскую Конференцію Рос-

сію не пригласили. Неужели русскіе не почувствовали этого удара? Развѣ этотъ ударъ мѣтитъ по большевикамъ? Этотъ ударъ касается Россіи, какъ Россіи, а не большевиковъ. Далѣе, президентъ Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ во всеуслышаніе объявляетъ, что правительство американское, а впослѣдствіе Вашингтонская Конференція беретъ подъ свое покровительство интересы Россіи. Неужели и тутъ не понимаютъ, что представитель Россіи необходимъ на Вашингтонской Конференціи, и что это не можетъ быть кто либо иной, какъ полномочный представитель совѣтской власти, какъ единственно русской государственной власти? Вотъ до чего доводитъ слѣдствіе политическихъ мертвецовъ, ставящихъ свои личные партійные взгляды выше интересовъ отечества. Неужели въ самомъ дѣлѣ Россія, какъ единое цѣлое перестала существовать оттого, что люди хотятъ сводить свои программные счеты за цѣну господства надъ русскимъ народомъ? За кого же принимаютъ тогда русскій народъ? За хозяина земли русской или за батрака, долженствующаго исполнять волю своего господина? И кто такіе эти господа, претендующіе на власть надъ русскимъ народомъ? И наконецъ, чѣмъ же совѣтская власть виновата передъ русскимъ народомъ? Тѣмъ ли, что она спасла революцію отъ реакціи? Или тѣмъ, что она все дѣлаетъ, чтобы поставить русскій народъ на путь культуры и благоденствія? Если многое не удается ей въ этомъ смыслѣ, совѣтская ли власть виновата? Гражданская война разгромила Россію и какое бы правительство вслѣдъ за гражданской войной ни было бы у власти въ Москвѣ, оно бы имѣло дѣло съ фактомъ разгрома. Разгромъ Россіи не есть слѣдствіе политики совѣтской власти, а слѣдствіе гражданской войны. Кто же виноватъ, что втеченіе трехъ лѣтъ реакція съ упорствомъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, раззоряла Россію и сводила богатые житницы юга въ поле побоищъ и пепелищъ? Совѣтская власть отстаивала себя во имя русскаго народа; реакція пѣрла къ власти во имя себя самой. И тогда, когда вслѣдствіе огромнаго напряженія совѣтской власти русскій народъ былъ спасенъ отъ своихъ противниковъ цѣною превращенія Россіи въ груды развалинъ, кто смѣетъ обвинять совѣтскую власть, что это она повинна въ этихъ развалинахъ? Вотъ ужъ подлинно взваливать вину съ большой головы на здоровую. Въ русскихъ развалинахъ повинна реакція.

И теперь, когда реакція сломлена, когда Россію надо возстановлять изъ развалинъ, что подсказываетъ каждому русскому его совѣсть? Служить русскому народу такъ, какъ самъ русскій народъ этого желаетъ, а не такъ, какъ желаетъ каждый по своему вкусу. А служить русскому народу это

значить подчиниться той власти, которая угодна русскому народу, а угодна русскому народу-совѣтская власть.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что совѣтская власть угодна русскому народу, если бы это было иначе русскій народъ свергъ бы совѣтскую власть. Напрасно винять русскій народъ въ рабскихъ чувствахъ и въ этихъ чувствахъ готовы видѣть причину, яко бы пассивнаго отношенія русскаго народа къ совѣтской власти. Русскій народъ отлично понимаетъ, кто ему врагъ и кто ему другъ. Ошибки совѣтской власти онъ расцѣпываетъ, какъ свои собственные ошибки, «ошибки своего брата», но не переноситъ оттого своего недовѣрія на всю совѣтскую власть. Онъ ждетъ, что ошибки исправятся, но отъ одной лишь совѣтской власти онъ увѣренъ получить устройство своей судьбы. Ко всѣмъ же потугамъ переустройства Россіи, исходящимъ извнѣ, русскій народъ относится съ недовѣріемъ и за спиной каждой изъ нихъ видитъ возвращеніе насильника на свое старое гнѣздо. Въ дѣлѣ возстановленія экономической мощи Россіи совѣтской власти приходится бороться съ неслыханными трудностями, а реакція выброшенная гражданскою войной за бортъ Россіи, стремится перерѣзать Россіи кровеносные сосуды въ дѣлѣ международнаго обмѣна ея товаро-производства. Русскому крестьянину нужны сельско-хозяйственныя орудія для возстановленія его хозяйства — не давать ему этихъ орудій! Русскому рабочему нужны образцовыя техническія средства для фабричнаго производства — не давать ему этихъ средствъ!

Такова политика антибольшевистскаго лагеря за границей, ведущаяся подъ лозунгомъ освобожденія русскаго народа изъ подъ тиранніи совѣтской власти, бьющая по спинѣ русскаго народа во имя этого освобожденія. Недостойная комедія, скрывающая въ себѣ низменные инстинкты всего движенія! Наконецъ, коснемся отношенія русской политической эмиграціи къ вопросу о голодѣ въ Россіи. Казалось бы, дѣло обстоитъ просто — надо кормить голодающихъ, и какъ же кормить помимо органовъ совѣтской власти? Но эмиграція и тутъ задумала голодъ сдѣлать политическимъ орудіемъ сверженія совѣтской власти, если не прямо, то косвенно путемъ виѣдренія въ Россію самостоятельныхъ организацій, которыя бы приходили на помощь русскому народу помимо совѣтской власти. Если бы такая организація осуществилась въ Россіи, то вмѣсто кормленія голодающихъ, она внесла бы въ страну анархію, не залечивая раны русскаго народа, а дѣйствуя лишь противъ совѣтской власти. Какой то родъ психологической чумы въ политической эмиграціи, мѣшающій ей видѣть страданія русскаго народа и вся устремленная въ сторону привитія своего гноя въ организмъ совѣтской власти.

Но совѣтская власть здорова, сильна и крѣпка, день изо дня крѣпнеть все болѣе и послѣднее обстоятельство приводитъ политическую эмиграцію въ бѣщенство. Но есть ли изъ за чего сердиться всякому непредубѣжденному уму? Россія выздоравливаетъ, не смотря на изступленные крики реакціи, не смотря на трафаретные возгласы о тиранніи совѣтской власти.

Гдѣ же эти симптомы? Въ органическомъ процессѣ начавшагося творчества новой Россіи, и всякій, кто не хочетъ очутиться за бортомъ новой Россіи, или придти смотрѣть, что уже сдѣлано помимо него, долженъ посильно приложить свой трудъ къ работѣ созданія новой Россіи. Таковъ нашъ долгъ передъ русскимъ народомъ. Непонятенъ онъ лишь тому, кто окончательно ослѣпъ отъ своей собственной политической неразберихи или не любитъ русскаго народа таковымъ, какъ онъ есть, а не таковымъ, каковымъ желаютъ его видѣть или представить люди, ничего общаго съ русскимъ народомъ не имѣющіе.

Она встаетъ, заря народнаго воскресенія Россіи. Начавшись съ багрово-красныхъ струй народной ненависти противъ стараго порядка, она переходитъ постепенно въ тихій свѣтъ и солнце всходитъ. Это солнце тотъ мирный трудъ и новый правопорядокъ, который постепенно принесетъ Россіи совѣтская власть. Среди бурнаго водоворота революціонныхъ событій, ускользя отъ взгляда объятыхъ ненавистью человѣческихъ страстей, протекало правотворчество русскаго народа. Неужели можно думать, что большевики толкнули русскій народъ взять въ свои руки разрѣшеніе задачи устроенія своего бытія на справедливыхъ соціальныхъ и политическихъ началахъ? Самъ русскій народъ пожелалъ стать хозяиномъ своей земли и матеріальнаго благополучія. Октябрьская революція есть дѣло всего русскаго народа. Отчаявшись за восьмимѣсячное правленіе Временнаго Правительства добыть свои соціальныя права легальнымъ путемъ, видя въ правительственной средѣ одну лишь нескончаемую грызню партій, тогда какъ народъ требовалъ себѣ отъ революціи реальныхъ экономическихъ результатовъ по улучшенію своего экономическаго благополучія, русскій народъ пошелъ на вторую революцію во имя полноты своихъ соціальныхъ и политическихъ правъ. И съ этого момента говорить о мартовской революціи, какъ фундаментъ для новаго государственнаго строя Россіи, не приходится. Это означало бы возвращеніе вспять. Фундаментомъ новой Россіи должна быть признана революція октябрьская, съ нея надо исходить, на ней строить. Кто этого не понимаетъ, тотъ работникомъ въ строительствѣ новой Россіи быть не можетъ. Пусть, благодаря культурной отсталости русскаго народа, онъ не овладѣлъ производствомъ природныхъ богатъ

ствѣ своей земли, пусть благодаря неумѣнію организовываться въ немъ нѣтъ того чувства социальной солидарности, которая одна способствуетъ развитію въ человѣческомъ обществѣ умѣнія сообща управлять, сообща дѣйствовать и работать; пусть благодаря техническому несовершенству своей работы русскій народъ находится въ зависимости отъ европейскихъ передовыхъ государствъ, — изъ этого все же не слѣдуетъ, что октябрьская революція должна пойти на смарку.

Другое дѣло вопросъ, какія надстройки придется строить на фундаментѣ октябрьской революціи, какія узорныя линіи проводить по граниту разъ выявленной народной воли. Это великое дѣло есть дѣло великаго ума, государственной изобрѣтательности и политическаго таланта. Русскій народъ не стоитъ и не можетъ стоять изолированнымъ въ средѣ остальныхъ народовъ и передовыхъ государствъ. Взаимоотношеніе ихъ дѣлаетъ необходимымъ взаимное приспособленіе. Въ концѣ концовъ, получается нѣкая средняя линія, въ которую, какъ въ русло вливается новая конкретизированная форма жизни. Найти эту равнодѣйствующую есть дѣло творческаго таланта.

Но мы, ни на одну минуту не сомнѣваемся, что и изъ этого осѣданія принциповъ права и справедливости на рыхлую почву человѣческаго обихода, гдѣ привычка и инерція играютъ главную роль, совѣтская власть выйдетъ побѣдительницей. Не сдавая позицій октябрьской революціи совѣтская власть найдетъ ту примиряющую форму, тотъ синтезъ, который революціонныя требованія сольетъ въ одно гармоничное цѣлое съ условіями русской жизни. Въ этомъ задача настоящаго момента для совѣтской власти, — задача весьма сложная и весьма тяжелая.

Что же, пожелать ли совѣтской власти въ этомъ дѣлѣ успѣха или, заранѣе злорадствуя надъ неудачей, подстергать провалъ всего дѣла строительства новой Россіи?

Отвѣтъ ясенъ: во имя блага русскаго народа Россія должна получить образцовый строй социальнаго и политическаго равенства и во имя скорѣйшаго осуществленія этой задачи всѣ должны стать работниками подъ эгидой существующей власти.

Неужели та бездна, которую раздѣляетъ богатство отъ нищеты и которую совѣтская власть пытается закрыть, дѣло недоброе? Неужели экономическое рабство, въ которомъ находятся милліоны человѣческихъ жизней и которыхъ совѣтская власть освободила, дѣло плохое? Пусть не указываютъ мнѣ, что оно полито кровью. Дѣло слѣлано и разъ сдѣлано — оно должно остаться. Иначе міръ присутствовалъ бы при величайшей несправедливости новаго закабаленія народа, разъ освобожденнаго отъ кабалы.

Я помню, какъ то да но, на вздохъ сожалѣнія одного реакціонера по поводу уничтоженія крѣпостного права, я отвѣчалъ: «что же, о вкусахъ спорить не приходится и если вамъ такъ нравится рабство, то пусть оно для васъ вернется, но съ тѣмъ условіемъ, что на этотъ разъ вы будете рабомъ, а крестьянинъ господиномъ». Собесѣдникъ мой поморщился отъ этихъ моихъ словъ. Такъ и теперь, если хозяевамъ такъ нравится экономическая кабала, такъ пусть они идутъ въ нее, а рабочіе останутся хозяевами. Я думаю, что отъ такого поворота дѣла всякій хозяинъ поморщится, а разъ это такъ, то и грѣшно мечтать о возвратѣ кабалы. Русскій народъ освобожденъ и долженъ остаться освобожденнымъ. Великій Данте сказалъ: «Нѣтъ большаго на свѣтѣ страданія, чѣмъ вспоминать о счастливыхъ временахъ въ дни бѣдствій.» Можно перефразируя эти слова сказать въ отношеніи нынѣшняго времени: «Нѣтъ большей на свѣтѣ гадости, чѣмъ вздыхать о возвратѣ народнаго страданія ради собственнаго благополучія.»

Россія въ своей огромной толщѣ народной была страной всегда демократической. Дворянскій классъ лежалъ на ней тонкимъ пластомъ. Царская власть давила, но не могла уничтожить или видоизмѣнить то, что лежало въ существѣ русскаго государства — девяносто девять процентовъ русскаго народа, жившаго въ одинаковыхъ условіяхъ существованія и представлявшаго собой огромный демократическій базисъ государства. Этой демократической струей своей Россія привлекала всѣ окраинныя иноземныя образованія и если бы политика петербургскаго періода была бы послѣдовательнѣе и народнѣй, то прямые интересы русскаго государства диктовали бы ей опираться въ окраинахъ на народъ противъ всяческихъ привиллегій. Такою политикой русское государство спаялось бы въ прочное единство безо всякаго принужденія. Между тѣмъ царская власть, тѣсно связанная съ привиллегіями дворянства, поддерживала на окраинахъ привилегированные классы и этимъ раздражала нерусскія окраинныя народности, естественно тяготѣвшія къ Россіи, но ненавидѣвшія образъ ея правленія. Одна лишь широко демократическая политика, служа интересамъ народа, вмѣстѣ съ тѣмъ служила бы и интересамъ русскаго государства, какъ единого цѣлаго. Въ томъ и заключается залогъ будущаго объединенія всѣхъ окраинъ вновь съ Россіей, что революція, открывъ широко двери правамъ народнымъ, на этой базѣ построить новую Россію и объединить ее.

Совѣтская власть, стоя на стражѣ интересовъ народныхъ и взывая всюду къ соблюденію этихъ интересовъ, находитъ живой откликъ во всѣхъ народныхъ массахъ. Къ ней тянутъ

ся, какъ къ защитницѣ угнетенныхъ, и это тяготѣніе рано или поздно скажется въ видѣ стремленія независимыхъ окраинъ вновь къ объединенію съ Россіей. Это будетъ наилучшій видъ объединенія по живымъ чувствамъ симпатіи, однородности государственнаго строенія и однородныхъ государственныхъ интересовъ. Какъ только совѣтская власть выльется окончательно въ мирный правопорядокъ, объединеніе произойдетъ естественно, быстро и приметъ устойчивую форму. Эти узенькія окраинныя полосы, искусственно отдѣленныя отъ русской громады тоненькими національными перегородками, не смогутъ противиться естественному тяготѣнію своему къ экономическому, политическому и всякому иному сближенію съ Россіей, въ коей народная власть, въ лицѣ власти совѣтской, творитъ народное дѣло. Примѣръ заразителенъ. Народное дѣло есть дѣло справедливое и притягиваетъ къ себѣ своею справедливостію. Что могутъ желать себѣ окраинныя народы, какъ не служеніе власти интересамъ народнымъ? А такова совѣтская власть и недалеко то время, когда подъ знаменемъ совѣтской власти вновь объединенная Россія почувствуетъ себя дѣйствительно единой по живой связи социальной справедливости и равенства, спявающей всѣ разнородныя ея части въ одну прочную среду. Нѣтъ ничего на свѣтѣ крѣпче, какъ связь по чувству внутренней правды. Ее несетъ совѣтская власть народамъ Россіи, ее несетъ она окраинамъ и близокъ день, когда встрѣчныя однородныя теченія сольются въ единый мощный потокъ новой Россіи, создаваемой властью совѣтской на благо русскаго народа. Въ тотъ день придутъ и будутъ пить изъ струй Россіи возрожденной на время отдѣленныя отъ нея окраинныя народности, чтобы почувствовать себя принадлежащими къ единому государственному образованію. Совѣтская власть, создавши новую Россію и объединить ее прочнымъ цементомъ равенства и социальной справедливости.

На встрѣчу такому свѣтлому будущему Россіи со всего міра идутъ горячія пожеланія и надежда народныхъ массъ. Въ нихъ черпаемъ мы увѣренность, что совѣтская власть исполнитъ свое призваніе и Россія покажетъ міру примѣръ новаго справедливаго образа правленія, удовлетворяющаго народныя желанія и стремленія лучшей части человѣчества къ Правдѣ и Добру.

П а р и ж ъ , 1 октября 1921 года.

В. Львовъ.

Рл 6684_у

В. Львовъ

„Советская власть въ
борьбѣ за русскую
государственность.“